

— Возникало ли когда-нибудь у вас ощущение, что все пропало, что мы проиграли эту войну? Таков был вопрос корреспондента, который я услышал по телевидению год назад. Сейчас уж неважно, что тогда ответил весьма заслуженный ветеран: я постараюсь дать свой ответ на основании личного опыта, а я попал на фронт 8 июля 1941 года под городом Красный Смоленской области.

Борис ВАСИЛЬЕВ

Сомневались ли мы во время Великой Отечественной войны в победе? Может быть, войну в нравственных низах кто-то и сомневался, может быть, где-то в верхах, располагающих всей стратегической информацией, кто-либо и дрогнул: допускаю. Но в тех слоях общества, где существовал я, этого не было. Не ощущалось это ни в моей душе, ни в душах моих товарищей... Ни в окружениях, где порой в светлое время да вблизи дорог приходилось лежать не шевелясь от рассвета до темна. Ни под бомбежками, ни под минными налетами, ни при сплошных автоматных обстрелах не возникало чувства обреченности Родины в целом. Лично для каждого — да, случилось, но то было ощущение личной гибели, не более того. И даже в Москве 15–17 октября 41-го — сестра рассказывала — невероятная паника породила предчувствие почти неизбежного конца собственной жизни, но не окончательного разгрома своей Отчизны. Убежденность в победе была сильнее нас, сильнее опасений каждого в отдельности, и сумма этой странной, порой почти мистической внутренней уверенности, поразительно схожей с верой, в конце концов и привела нас к победе. С начала 45-го мы уже считали дни. С мая 45-го — часы. Победа не была ни случайной, ни дарованной свыше, ни неожиданной.

Так что же означал для нас День Победы, в которой никто никогда не сомневался и которая не явилась неожиданностью ни для кого?

Снятие с мученического креста. Выдох. Четыре года мы как на окровавленном фронте, так и в голодном тылу жили, стиснув зубы и набрав полную грудь воздуха, будто про запас. Он расpirал нас изнутри, не позволял передохнуть, расслабиться, забыть хотя на мгновение да-

Культура. 1996. - 8 мая. - с. 3.

Снятие с креста

же в объятиях любимой. Каждый из нас — мужчины и женщины, дети и старики — был сгустками воли и энергии вовсе не потому, что советская пропаганда ежедневно накачивала всех, и не потому, что бдительные органы зорко высматривали придуманных или реальных паникеров. В тугой концентрации личных внутренних сил не было заслуги ни самих коммунистов, ни их топорной агитации, ни даже всеподавляющего авторитета Великого Вождя. Все шло изнутри, а не снаружи, существовало в каждом на генетическом уровне, на тысячелетнем опыте предков наших, будто восставших из могил за нашей спиной. Это они заставляли нас погибать в обороне, а совсем не загорадотряды НКВД. Это их воля вела нас в наступления, а совсем не расстрельные глаза смершевцев. Это их совесть заставляла нас месяцами спать возле грохочущих станков считанные часы, а совсем не приказы Верховного Главнокомандующего. Просто весь народ наш был распят на кресте, и воскресение зависело не от божественной воли, а только от нас самих.

Я видел, так сказать, непосредственных победителей. В 45-м году в военную академию, где я тогда учился, стали прибывать израненные офицеры с фронта. Однажды я дежурил по факультету и вышел передохнуть к внутреннему подъезду: дежурство было круглосуточным, и мне страшно захотелось спать в сонной академической тишине. Присел на ступеньки, достал кисет...

— Закури моих, лейтенант.

Я поднял голову и ослеп от иконостаса на довольно выпуклой груди круглолицего румяного старшего лейтенанта небольшого росточка с длинной лесенкой золотых и красных нашивок за ранения на локко подогнанной гимнастерке. Он протягивал мне пачку "Беломора".

Покурили. Обменялись весьма солеными анекдотами: он — фронтовыми, я — тыловыми, и

разошлись. А на следующий день наши девушки — это был единственный набор девушек в бронетанковую академию, парней не хватало — с хохотом рассказали нам, как вечером к ним в комнату общежития без стука ввалился румяный старший лейтенант. Девчонки закричали, бросились прикрываться, поскольку уже готовились ко сну.

— Да девка я! — заорал старший лейтенант и начал рвать на груди гимнастерку в самом прямом смысле этого слова.

Это была знаменитая Катя Новикова, командир стрелковой роты, о которой часто писали в газетах. Она не сумела пройти отборочных экзаменов, но пока сдавала их, мы — я и моя будущая жена Зоря — с ней подружились, и Катя с хохотом вспоминала, как мы с ней курили на крыльце.

Не прошел экзаменов и капитан Саша Михайлов, Герой Советского Союза. Мы жили с ним в общежитии в одной комнате и подружились. У него не было бровей, усов и бороды, а были наполовину сгоревшие уши. Он горел в танке, где заклинило командирский люк, и чудом успел выскочить через запасной.

Я прожил 72 года, я — участник Парада Победы и встречаю 9 Мая уже в пятьдесят первый раз. И, странно, только сравнительно недавно я наконец-то уразумел, что победителями были мы все. Кто воевал и кто был в резерве; кто сеял и убирал урожай, перебиваясь пустыми щами; кто по четырнадцать часов горбатился у станка, недосыпая и недоедая; кто учил детей и лечил больных, кормясь одной картошкой, выращенной на личной полоске под окнами школы или больницы, — все, все мы! Народ, ни разу не усомнившийся в победе. И поэтому 9 Мая — наш праздник. Наш. Личный и всенародный одновременно.

Праздник снятия со креста и облегченного выдоха.